

Бернштейн Эдуард.

Социальная доктрина анархизма (выдержки)

Бернштейн Э. (1850 — 1932), немецкий социал-демократ, лидер II Интернационала (статья напечатана в журнале «Новое время», 1891, № 14).

Штирнер, несомненно, самый последовательный из всех анархистов. Не принимая этой клички, он, однако, развил доктрину анархизма, идею безвластия до ее конечных выводов... Его книга — это песнь песней эгоизма... Критика этой с большим остроумием проведенной теории находится в заключительных словах самой книги: «Ничто — вот на чем я построил свое дело!» Это верно, ибо дело и собственник висят в воздухе. Собственник этот, который в «Единственном» возвращается в свое «творческое ничто», есть только абстракция, так же точно или еще более, как фейербаховский «человек», штирнеровские насмешки над которым очень часто весьма удачны. Если тот лишь абстракция «рода», то «единственный» — абстракция вида, но вырванная из всех отношений, среди которых этот вид существует. Где, скажите на милость, существует ныне хоть один «единственный», — разве только в доме умалишенных? Человек девятнадцатого столетия может быть «единственным» только в своем воображении; в действительности же он столь же мало единственен, сколь абсолютно свободен или может быть свободным. Стремление к «единственности» точно так же лишь религиозная сумасбродность и экзальтация, «единственное я» не рациональнее, чем «абсолютная свобода», «абсолютное равенство», абсолютный человек или какая бы там ни была абсолютная идея, и оно есть «сновидение, призрак».

Штирнер думает, что стоит на твердой, реальной почве, если он исходит не из какого-либо философского, а из своего собственного, личного «я». Но, оставляя совершенно без рассмотрения отношения, среди которых это «я» живет, его историю и условия его существования, он поневоле непрерывно удаляется от действительности и мудрствует, вместо того чтобы исследовать. Мир, существующий вне его головы, приводится лишь примера ради. Но то же наблюдается и у тех философов идеалистической школы, на которых он нападает, он отличается от них только степенью, а не принципиально, он не освобождается от метафизического образа мышления, и, таким образом, все его исследование остается курьезом — оно кончается тупиком. Это все та же гегелевская абсолютная идея, с той только разницей, что она называется здесь «я, единственным». И этот Единственный так же стоит на голове — на голове Макса Штирнера. Он, как сказано, — «привидение».

Поскольку штирнеровский эгоист имеет плоть и кровь, постольку он только идеологическое изображение представителя буржуазного общества, покоящегося на конкуренции...

Эгоизм, далекий от того, чтобы быть пороком, в буржуазном обществе есть высшая добродетель. В зависимости от их точки зрения, с большими или меньшими оговорками, высказывали это все буржуазные философы; напомним только о Бентэме¹⁰⁵ и его школе в Англии, о материалистах прошлого столетия во Франции и их предшественниках в других странах. Штирнер доводит только эту мысль до ее крайнего развития; если бы этим словом так часто не злоупотребляли, можно было бы сказать, что он «огегельянивает ее». Но как он ни старается довести идею «Единственного» до ее наиболее чистого выражения, все же он должен совершенно так же, как его предшественники, каждое мгновение прибегать ко всякого рода оговоркам, чтобы не прийти к полнейшему абсурду. То, что у них, например, «просвещенный эгоизм», называется у него «корыстной любовью». Все его рассуждения на эту тему хотя и кажутся весьма логичными, но, по существу, они только рабулика* (крюкотворство - Ред.). Понятию эгоизма или своекорыстия подсовывается другой смысл, совершенно различное соединяется с ним, и этим оно лишается всякого определенного значения. Ни одно из наших чувств — любовь, сочувствие или ненависть — не висит в воздухе; их природа не может быть чисто объективной; все они — проявления субъекта «я». Но они еще суть проявления эгоизма, причем не становятся им только потому, что мы сознаем их субъективный характер...

Кажущийся реализм Штирнера в действительности — высшая идеология, идеализация буржуазной конкуренции. Он устанавливает общество, состоящее из одних только единичных личностей. Но уже в буржуазной практике дело неоднократно меняется. Вместо того, чтобы с каждым шагом вперед все более осуществлять свой идеал, буржуазный класс в известном пункте начинает идти обратно. Его экономические средства власти перерастают его, они все более принимают общественную форму, единичные личности не в состоянии более управлять ими. Здесь снова призывается государство или общество помочь своим вмешательством, снова образуются союзы со своими собственными законами, в которых единичные личности вполне или частью теряют свою хозяйственную «самобытность» и отказываются от своей «единственности». «Из своекорыстия», — заметил бы здесь Штирнер. Но, кроме тех случаев, когда речь идет об исключительно разбойничьих бандах, своекорыстие играет лишь второстепенную роль. Первую скрипку играет необходимость. Утопающий хватается за доску, удерживающую его некоторое время на воде, не из своекорыстия, а из инстинкта самосохранения, который опять-таки не то же самое, что эгоизм. Впрочем, мотивы не имеют здесь особенного значения. Главное то, что буржуазная практика не приводит к осуществлению «единственного».

Остается пролетарская практика. По Штирнеру, эгоизм есть то, что освободит рабочих из их рабства, и «станьте эгоистами!» — повторяет за ним Маккай. Но уже на примере, который дает Штирнер, можно понять ошибочность его теории — стоит только исследовать ее в применении к практике. Если он заставляет «батраков» объявить хозяевам, что они отныне не будут более наниматься «ниже цены» — мы не касаемся весьма неясного экономического способа выражения, — то он уже предполагает единодушие всех батраков, не эгоизм «единственного», а множественность, класс. Но этот эгоизм выглядит совершенно иначе, чем эгоизм первого рода. Пока дойдет до того, что батраки выступят как класс с общими

требованиями и будут достаточно сильны, чтобы их провести, они должны в значительном большинстве своем перестать себя чувствовать «единичными», тем более «единственными», «единицами». Необходима долгая борьба, борьба с временными неудачами и частичными победами, а бороться — значит приносить жертвы. Классовый интерес не совпадает в каждый момент с личным интересом, интересом отдельного лица. Что решает в подобном конфликте теория эгоизма? Должен ли «я» отказаться от «моего» теплого местечка из-за стачки, которая, быть может, будет проиграна? «Единственный», для которого «ничто не выше меня», который объявляет «одержимостью» становление какой-нибудь идеи или какого-либо дела выше своего «своеобразия», как только шансы стачечников будут сомнительны, должен укрыться в защищенном месте. Эгоизм повелевает это...

И Штирнер напутствует к этой цели милым учением, что крюкотворство и софистика есть «первый шаг свободы», не что иное как способ использовать существующее, не уничтожая его. «Единственный» не революционер, а «мятежник», но мятежник, который кесарю воздавал кесарево. Иногда это может быть очень практичным, но это не последнее слово мудрости. История христианства допускает и другой вывод. Однако у Штирнера история признается только постольку, поскольку она подкрепляет его идеи, и не только прошлое, но и современность, и будущее. Для действительных потребностей эпохи, для подлежащих наискорейшей реализации требований стремящихся вперед общественных классов Штирнер имеет лишь сокрушительную критику. Свобода печати, собраний недостаточна «Единственному», да она даже и не нужна ему для укрепления своего «своеобразия». Если он считает это необходимым, он старается обмануть государство, основывает тайные типографии, и т. д. Если и другие будут поступать подобно ему, то оно рухнет само собою.

Итак, столь большая на вид смелость мысли Штирнера (не забудем, что Штирнер не пугается ничего: ложь, лицемерие и обман у него еще имеют худший вид, чем в действительности, ибо он не знает никаких пороков) — эта смелость приводит к теории законченной импотенции. В своем рабочем кабинете можно основывать «тайные типографии» на эгоизме, но в реальном мире необходимы для этого и кое-какие другие качества. Нигилизм, к которому сводится теория Штирнера, совершенно отличен от того, что называется нигилизмом в России. «Ничто — вот на чем он построил свое дело». Но ничто ничего не производит. Из его учения никуда нельзя двинуться. Все его поклонники и последователи могли только сделать одно — исказить его и возвращаться еще более назад. То, что дает Маккай, например, лишь ублюдки штирнеровских идей, ибо ничто не может производить детей, «единственный» остается — «единственным».

Версия #2

Зверобой создал 5 апреля 2025 22:29:46

Зверобой обновил 10 апреля 2025 21:27:00